
А.А. Фетисов

«ДРУЖИННАЯ КУЛЬТУРА» ДРЕВНЕЙ РУСИ

«Дружинная культура» Восточной Европы X — первой половины XI вв. — исторически значимый социокультурный феномен, сыгравший решающую роль в генезисе Древнерусского государства. Основной археологический источник для его реконструкции — «дружинные курганы» этого периода. Ключевой вопрос в их изучении — критерии их идентификации и выделения из массы синхронных погребений.

Термин «дружинные курганы» весьма распространен и прочно закрепился в историографии. Но что же собственно такое «дружинные курганы» как тип погребальных памятников на сегодняшний день определить довольно сложно. Круг этих памятников не определен четко, а предложенные критерии для их выделения часто произвольны и не всегда имеют строгое обоснование¹.

Те или иные курганы относят к кругу «дружинных», как правило, в связи с присутствием оружия или элементов так называемой «дружинной культуры» (детали поясной гарнитуры, вещи скандинавского происхождения и др.) в погребальном инвентаре. Здесь действует в общих чертах сформировавшаяся историографическая традиция. Показательно в этом отношении определение, данное Ф.А. Андрощуком в 1993 г.: «„Дружинная“ погребальная культура характеризуется следующими признаками: мечи, скрамасаксы, щиты, копья, стрелы, конское снаряжение, костяные острия. Костюм репрезентирован кафтанами или рубахами с бронзовыми пуговицами и скандинавскими фибулами»².

Но эти общепринятые вроде бы критерии — присутствие в погребальном инвентаре оружия и предметов, относимых к «дружинной

¹ В силу спорности критериев идентификации «дружинных курганов» мы будем в дальнейшем давать термины «дружинные курганы», «дружинная культура» и др. в кавычках.

² Андрощук Ф.А. Курганы в раскопках Д.Я. Самоквасова и «дружинная» погребальная культура // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993. С. 29.

культуре» — часто оставляют вопросы и сомнения. Любые ли предметы вооружения маркируют дружинное погребение, можно ли выделить устойчивый «дружинный набор» оружия в погребальном инвентаре? Как атрибутировать безынвентарные погребения с оружием? В какой степени относятся к кругу дружинных древностей погребения, не содержащие предметов вооружения, но включающие в то же время те или иные предметы «дружинной культуры»? Можно ли в качестве критериев дружинных курганов (помимо оружия) выделить какие-либо особенности погребального обряда в целом (размер и структура насыпи, фиксируемые по материальным следам ритуальные действия и др.)? Насколько иноэтничные вещи (в первую очередь «скандинавские»), которые считаются самыми яркими маркерами «дружинной культуры», в действительности привязаны только к этой узкой социальной группе — дружинной организации? Являются ли они индикаторами только этой социальной группы?

Не вызывает сомнений лишь сам факт того, что оформившаяся на восточнославянских территориях около конца IX — начала X в. новая социальная структура («дружинная организация») сформировалась как самобытный этнокультурный феномен, значительно повлиявший на сложение культуры Древней Руси. А «дружинные курганы» — наиболее информативный археологический источник для изучения «дружины» этого периода. Анализируя социальную информативность погребений, еще Г.С. Лебедев пришел к выводу, что «группы погребений, совершенных по определенному типу ритуала, соответствуют общественным группам древних людей, сознававших общность своего положения, и выразивших это сознание в формах погребального обряда»³.

Работа с материалами погребений и анализ содержащейся в них информации являются, вероятно, наиболее сложной задачей в археологии, поскольку в этом случае мы имеем дело с результатом сознательных действий людей, со своего рода «артефактным текстом», подчиненным определенной (но уже забытой нами) имманентной логике. Характер такой знаково-символической системы определялся социальным статусом покойника и ритуалами погребений, принятыми в данном обществе. В современной науке разработано несколько подходов к реконструкции заупокойных практик, в том числе и направленных на выявление социальных иерархий и маркеров разных общественных страт.

³ *Лебедев Г.С.* Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. 1977. № 148. С. 25.

Говоря о социоинформативности погребального памятника и его обряда, необходимо отметить, что погребальная обрядность отражает не столько объективную социальную *реальность*, существующую в обществе, сколько *представление общества об этой реальности*⁴.

Среди дифференцирующих признаков, характеризующих погребальные комплексы, выделяются два различных уровня, несущих различную историческую информацию.

1. «Признаки явного уровня», трактовавшиеся самим обществом в качестве социальных индикаторов и регламентированные обрядом. Эти признаки как раз и призваны отразить существующие в обществе социальные *концепции*.
2. «Признаки неявного уровня» содержат информацию о градациях общества, не осознававшихся самими его членами⁵.

Предметы вооружения в погребении, безусловно, являются, «признаками явного уровня». Они показывают то место, которое занимал погребенный в социальной концепции общества, члены которого сочли необходимым сопроводить погребение оружием. Оружие здесь выступает как некий «символ», социальный маркер дружинного погребения.

Однако не *род занятий*, а именно *место, занимаемое в социальной концепции общества*, определяют присутствие оружия в «дружинном погребении». Достаточно вспомнить, например, детские погребения с оружием и предметами «дружинной культуры». Погребенные дети, естественно, не могли являться действующими дружинниками, но, поскольку они по своему происхождению принадлежали к дружинной среде, с ними в погребение клали при захоронении оружие. Также можно вспомнить случаи нахождения в «дружинных курганах» предметов ремесленного производства, культовых предметов, которые, естественно, не демонстрировали род занятий, а являлись определенным символом. Оружие, вероятно, являлось еще и символом, демонстрирующим место погребенного в *имажинарно-мифологической* социальной системе (которая может и отличаться от *реальной* социальной структуры) общества. Поэтому, вероятно, не всегда можно относить небогатые и малоинвентарные погребения с оружием к различным группам «рядовых вооруженных общинников», «ополченцев»

⁴Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. № 1. С. 78–94.

⁵Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Социальная реальность — идеология — погребальный комплекс (к проблеме соотношения) // Идеологические представления древних обществ. М., 1980. С. 31–32.

(как это зачастую делалось в советской историографии) или т. п. Именно поэтому только предметам вооружения при определении дружинного погребения можно отводить ключевую роль.

Изучение «дружинных курганов» дает исследователям материал для воссоздания периодизации этапов развития «дружинной культуры» в X–XI вв. Рассматривая погребальные памятники с предметами вооружения, А.Н. Кирпичников почти четверть века назад насчитывал около 600 комплексов IX — начала XI в. «с находками наборов либо отдельных предметов вооружения, характеризующих (с поправками на специфику погребального ритуала) боевое снаряжение профессиональных воинов-дружинников»⁶. В нашу задачу не входят обзор или характеристика обширнейшего материала всех воинских погребений, поэтому ограничимся здесь лишь общими принципиальными наблюдениями, характеризующими этапы развития «дружинной культуры».

Первый этап развития «дружинной культуры» «Руси» — рубеж IX–X вв. — вторая половина X в. — характеризуется достаточным разнообразием форм и типов погребальных традиций. В начале — второй половине X в. воинские захоронения часто сопровождаются разнообразным набором вооружения. Присутствуют практически все типы оружия: мечи, топоры, копья, стрелы, детали луков, оковки и умбоны щитов. Иногда некоторые типы вооружения сочетаются в рамках одного комплекса. В первой половине — середине X в. на памятниках «дружинного характера» фиксируется обряд погребения в ладье либо с деталями лодки⁷. С середины X в. распространяется так называемый обряд погребения в деревянных камерах⁸. Причем, более ранние (по отношению к «камерным») захоронения с лодками известны преимущественно в северной части Восточной Европы⁹ (Юго-Восточное Приладожье, Плакун, Гнездово, Тимерево), в то время как чуть более поздние (по отношению к ладей-

⁶Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 240.

⁷*Стальсберг А.* О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 277–287.

⁸*Михайлов К.А.* Древнерусские элитарные погребения X — начала XI в. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 18. Хронологически из этого ряда выпадает могильник в урочище Плакун, где погребальная камера датируется концом IX в.

⁹В Южной Руси исключение, вероятно, составляет лишь Черная могила, где также найдены ладейные заклепки (*Петрухин В.Я.* Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 365; *Щавелев А.С.* Заметки о деталях погребения в кургане «Черная могила» (в печати)...). Если такое предположение верно, то это самый поздний случай погребения с лодками.

ным) камерные погребения распространены на всей территории Древней Руси (Плакун, Гнездово, Псков, Тимерево, Среднее Поднепровье, Подгорцы и др.).

В качестве одной из важнейших характеристик «дружинной культуры» первого этапа мы предлагаем выделить особое социокультурное явление, которое условно может быть названо «самодекларация новой социальной группы». Процесс выделения и складывания новых социальных групп всегда сопровождается яркими материальными манифестациями принадлежности именно к этой группе. В основе такой самодекларации лежит стремление группы заявить о себе, как о чем-то отличном от окружающих. Собственно, большая часть материальных проявлений «дружинной культуры» Древней Руси и является выражением этой манифестации. На территории Древней Руси феномену «самодекларации», помимо социального, был придан также значительный этнический импульс — присутствие скандинавских элементов, как одних из наиболее ярких маркеров «дружинной культуры». Как писал еще Л.Е. Куббель: «С самого начала дружина создавалась вне рамок традиции, и объединяли ее членов не родственные и не общинные связи»¹⁰. Полиэтничность «руси» определила эклектический характер ее «дружинной культуры»: сочетание разноэтничных элементов в рамках одного погребения, вещи-гибриды¹¹, включение в комплекс вооружения североевропейских и степных элементов¹².

Окончательное складывание дружинно-княжеской организации как раннегосударственного аппарата управления происходит в конце X — начале XI в., когда она становится, по выражению Г.С. Лебедева, «четко дефинированным слоем», поскольку в этот период материальные проявления «самодекларации» (фиксируемые в погребальных памятниках) исчезают.

Второй этап развития дружинных древностей — конец X — первая половина XI в. — отличается рядом новых черт. В целом, «дружинный» погребальный обряд значительно упрощается. Это можно отметить как в отношении инвентаря, так и в отношении форм и типов ритуальных практик. На этом этапе принципиально меняется набор

¹⁰Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 147.

¹¹Орлов Р.С. Явление бифуркации в дружинной культуре Древней Руси // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. С. 151–155.

¹²Кашинов С.Ю. Древнерусский дружинник второй половины X в. Опыт реконструкции // Военный сборник. Статьи и публикации по Российской военной истории до 1917 г. М., 2004. С. 11.

предметов вооружения в погребальном инвентаре: практически полностью исчезают стрелы (в том числе в погребениях Южной Руси), оружие представлено в основном топорами, редко встречаются копья, практически отсутствуют мечи¹³. В конце X — первой половине XI в. в «дружинных курганах» исчезает то разнообразие инвентаря, которое характерно для предшествующего периода. Воинские погребения малоинвентарны либо безинвентарны (за исключением оружия). Причем, малочисленность либо полное исчезновение погребального инвентаря из обряда невозможно объяснить лишь влиянием христианства. Известен ряд случаев, когда в погребения знати, совершенные по христианскому обряду, помещались заупокойные дары¹⁴. Кроме того, традиция помещать оружие в воинские захоронения существовала еще долгое время в рамках относительно развитого христианства, по крайней мере массово до XII в. включительно¹⁵.

Постепенно, около середины — второй половины X в., исчезают захоронения в ладьях или с деталями лодок. В XI в. исчезает также камерный обряд погребения. В ряде регионов вдали от политических центров он, вероятно, трансформируется в новую разновидность обряда, отражавшую, по всей видимости, погребальные традиции местной племенной знати, воспринявшей предшествующую традицию «Руси». Появляются так называемые «квазикамерные», «камероидные» [Струйское¹⁶, Юго-Восточное Приладожье (Акулова Гора 1)¹⁷, Гочево¹⁸, могильники Правобережья Днепра¹⁹] и малоинвентарные, либо безинвентарные камерные погребения [Пекуново, Рапти-

¹³Исключение составляет могильник Подгорцы (летописный Плеснек), где в нескольких погребениях конца X — начала XI в. мечи входили в состав погребального инвентаря (*Liwoch R. Wielkie kurhany latopisowego Plesniska // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів. 2007. Вип. 11. С. 367–368*).

¹⁴*Каргер М.К.* Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. 4. С. 12–21.

¹⁵*Алешковский М.Х.* Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. 1960. № 1. С. 70–87.

¹⁶*Лесман Ю.М., Олейников О.М.* Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Петрозаводск, 1997. С. 182.

¹⁷*Кочуркина С.И., Линецкий А.М.* Курганы летописной веси X–XIII вв. Петрозаводск, 1985.

¹⁸*Щавелев А.С.* Камерные погребения Гочевокого могильника (вопросы атрибуции и социокультурной интерпретации) // Русский сборник. Брянск, 2002. С. 209–213.

¹⁹*Моця А.П.* Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев, 1990. С. 99–106.

Наволок II²⁰, Удрай II, Юго-Восточное Приладожье (Челмужи)²¹]. Эти особенности (исчезновение элитарных обрядов и минимизация погребального инвентаря) связаны, на наш взгляд, с основной характеристикой второго этапа развития дружинных древностей — общей унификацией «дружинной культуры».

Этот процесс дополнительно можно проиллюстрировать целым рядом проявлений материальной культуры. Когда социальная группа («дружинная организация») предстает в уже сложившемся виде, когда ее положение и статусы окончательно определены, яркие элементы, характерные для первого этапа исчезают или нивелируются. В «дружинной культуре» конца X — XI в. это выразилось в исчезновении разнообразного погребального инвентаря и стандартизации набора вооружения в погребениях (преимущественно топоры).

Подобную особенность в развитии воинской материальной культуры отметил Г.С. Лебедев на скандинавском материале: «Во второй половине X в. в связи с наметившейся тенденцией к обособлению военно-дружинной организации, с концентрацией ее общественных функций намечается тенденция к возрастанию утилитарных качеств оружия. Из средства различения воинов разного социального статуса и ранга²² (вооруженный свободный «одальсбонд», — или рядовой викинг, вождь вольной дружины, морской конунг, — или королевский «гирдман», военачальник, ярл и т. д.) меч становится атрибутом сравнительно узкого и в социальном отношении четко дефинированного раннефеодального слоя. Сокращается его семантическая многозначность, возрастают требования к утилитарным, функциональным, боевым качествам»²³.

В это же время теряет свое значение (по крайней мере, по материалам погребений) и другой яркий элемент «дружинной культуры» X в. — наборный пояс, наибольшее распространение которого приходится на вторую половину X в.²⁴ Начиная с XI в. «имеющиеся материалы позволяют с большой долей вероятности утверждать, что на-

²⁰ *Соболев В.Ю.* Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволок II в контексте становления древнерусского погребального обряда // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Петрозаводск, 1997. С. 185.

²¹ *Кочуркина С.И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989. С. 250–254.

²² *Функции, отмеченные Г.С. Лебедевым для более ранних этапов.*

²³ *Лебедев Г.С.* Этуод о мечах викингов // *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991. С. 299.

²⁴ *Мурашева В.В.* Древнерусские ремешковые наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000. С. 91–97.

борный пояс в значительной мере утрачивает свою популярность в дружинной среде»²⁵.

Подобная унификация характерна для определенного этапа развития воинской культуры не только в Древней Руси. А. Педерсен, рассматривая датские погребения с оружием и всадническим инвентарем, также приходит к выводу о сложении фиксированного типа погребений воинов со снаряжением всадника. Такие «всаднические погребения, — пишет А. Педерсен, — производят впечатление высокого уровня стандартизации»²⁶. Для них характерен набор повторяющихся, фиксированных элементов. «Всаднические погребения» встречаются в Дании в фиксированных комбинациях: пара шпор (чаще всего около пяток), удила и пара стремян. Набор оружия мог включать меч, копье, топор²⁷.

Подобная стандартизация, по мнению А. Педерсен, может представлять начало процесса, который позже был выражен законами Кнута Великого в Англии, определявшими, каким количеством лошадей и оружия должен владеть знатный человек. Лошадь и элементы упряжи, в случае с датскими находками, могли не нести в погребении утилитарных функций, а восприниматься как символ статуса. В эту же систему стандартизации могут включаться стремяна и удила²⁸.

Второй принципиальный вопрос, связанный с «дружинной культурой» — численность дружины, численность гарнизонов в пунктах пребывания «руси», прежде всего, в так называемых «открытых торгово-ремесленных поселениях» на торговых путях. В данном случае мы попытаемся определить, можно ли при таком, практически единственном пока абсолютном критерии, как присутствие оружия в инвентаре определить круг погребений профессиональных воинов и построить какие-либо социальные реконструкции для памятников Восточной и Северной Европы.

Вопрос о существовании независимых от киевских Рюриковичей дружин на древнерусских территориях уже давно решен положительно. В советской науке (и отчасти до сих пор) считается, что все проявления «дружинной культуры» в X в. относятся к известным по ранним летописям первым Рюриковичам и их воинским отрядам. Такой подход хорошо виден по историографической работе И.Н. Данилев-

²⁵ Там же. С. 81.

²⁶ Pedersen A. Similar Finds — Different Meanings? // *Burial & Society. The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data.* Aarhus, 1997. P. 180.

²⁷ Ibid. P. 181.

²⁸ Ibid. P. 182.

ского²⁹. В настоящее время становится все очевиднее, что до второй половины — конца X в. некоторые торговые (Тимерево, Гнездово) и раннегородские (летописные Полоцк и Туров) пункты могли контролироваться независимыми от Киева воинскими отрядами и их предводителями. Точно так же все более очевидно, что великокняжеское Среднее Поднепровье было не единственным источником и «эпицентром» полиэтничной «дружинной культуры» Древней Руси³⁰.

Результаты последних исследований Гнездова показали, что по крайней мере до 50-х — 60-х гг. X в. этот крупный торгово-ремесленный центр был относительно независим от великокняжеской власти Киева³¹. При этом воинские погребения здесь появляются уже с начала или первой четверти X в.³² Очевидно, здесь размещался самостоятельный дружинный отряд со своим предводителем, контролировавший и обслуживавший важный административный и торговый пункт на ключевом участке Днепровского торгового пути.

Представляется интересным и возможным определить численность дружинных отрядов, находящихся на различных древнерусских памятниках на протяжении X в. Это можно сделать исходя из процентного содержания воинских погребений на относительно полно раскопанных могильниках либо в случаях, когда число раскопанных курганов достаточно для статистической обработки.

Обращает на себя внимание устойчивость процента погребений с оружием для крупных торгово-ремесленных поселений на Днепров-

²⁹ *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1999. С. 106–109.

³⁰ *Щавелев А.С.* К вопросу о статусе Чернигова, Полоцка и Турова на ранних этапах становления древнерусской государственности // Исторический город в контексте современности. Мат-лы межрегион. научно-практич. конф. Нижний Новгород, 1999. Вып. II–III. С. 30–34; *Хлевов А.А.* Дружина Севера как исторический феномен // Скандинавские чтения 1998 г. СПб., 1999. С. 49–58; *Щавелев А.С.* Чернигов, Полоцк и Туров: особенности политического статуса в раннем средневековье // Малые города России. Мат-лы II Всероссийской научно-практической конф. (1–3 июня 2000 г., г. Рязьск). Курск, 2000. Ч. I. С. 13–16. *Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 234–247; *Он же.* «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 307–311; *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2009. С. 44–85.

³¹ *Нефедов В.С.* Гнездовский археологический комплекс и Путь из варяг в греки // Гнездово: история и современность. Мат-лы межвуз. научно-практич. конф. Смоленск, 1998. С. 31–42; *Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007. С. 70.

³² *Каинов С.Ю.* Еще раз о датировке Гнездовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кущинского (к вопросу о нижней дате Гнездовского могильника) // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 62 (Труды ГИМ. Вып. 124).

ском и Волжском путях. Как правило, воинские погребения составляют от 9 % до 13 % по отношению к общему числу раскопанных курганов. Устойчивость этого соотношения для нескольких памятников говорит об однотипном характере присутствия здесь воинских контингентов. Для Гнездова подсчет может проводиться исходя из традиционно присутствующего в последней литературе количества раскопанных насыпей — около 1000³³, что дает, соответственно, около 10 % погребений с оружием на памятнике. Если исходить из выборки курганов, сформированной Ю.Э. Жарновым (788 комплексов), то процент курганов с оружием составит ок. 9 % (69 комплексов)³⁴. Всего же по подсчетам С.Ю. Каинова в Гнездове известно 115 комплексов с оружием в инвентаре³⁵. При этом около 50 погребений Гнездова содержат только стрелы, и в тех случаях, когда здесь присутствуют предметы «дружинной культуры», они включены в круг воинских погребений³⁶.

В Тимереве процент погребений с оружием составляет 12 %, в Ми-

³³Пушкина Т.А. Гнездово: итоги и задачи исследования // Гнездово. 125 лет исследования памятника. С. 5.

³⁴За время исследования памятника появилась вероятность того, что некоторые курганы были раскопаны дважды — до 1949 г. и позже экспедицией Д.А. Авдусина. Негативную роль здесь также сыграли зачастую несовершенные методики раскопок и невысокий уровень ведения полевой документации в дореволюционный период либо депаспортизация материала. Поэтому очевидно, что цифра «около 1000 раскопанных курганов» в данной ситуации достаточно условна. В последние годы встал вопрос о формировании достоверной выборки курганов Гнездова, необходимой для объективной оценки погребального обряда и различного рода статистической обработки. Впервые такую выборку предложил Ю.Э. Жарнов, включив в нее 788 комплексов. Основными критериями его выборки были: исследование курганной насыпи на снос и/или возможность локализации каждого кургана на топографическом плане некрополя. По мнению Ю.Э. Жарнова, «сформированная по такому принципу выборка (788 комплексов) позволяет избежать неоднократного использования при статистическом анализе погребений, раскопанных дважды (до и после 1949 г.)» (*Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнездовского некрополя. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 6.* Эту же выборку (788 курганов (793 погребения)) как наиболее достоверную использует в настоящее время и Т.А. Пушкина при анализе материалов Гнездовского могильника. См.: *Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашева В.В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М., 2012. С. 246.* В рамках этой выборки насчитывается 69 комплексов с предметами вооружения, что составляет около 9 % от общего количества курганов выборки. С.Ю. Каинов предложил иной путь подсчета, исключив из выборки Ю.Э. Жарнова все т. н. «поврежденные» курганы (имеющие какие либо вторжения в насыпи или на уровне погребения, но поддающиеся локализации на плане) и курганы, где не зафиксировано погребения, кенотафы, получив 17,6 % (в выборке 346 комплексов). При включении им в выборку неповрежденных курганов, в которых не зафиксировано погребение, этот процент снизился до 13,9 % (в выборке 439 курганов) (*Каинов С.Ю. К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнездовском могильнике // XVI конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Мат-лы конф. Москва; Архангельск, 2008. Ч. I. С. 201–203.*

³⁵Каинов С.Ю. К вопросу о количественной оценке. С. 201.

³⁶Фетисов А.А. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // РА. 2004. № 3. С. 89–98.

хайловском — 11,5%, в Петровском — 12%. Всего в могильниках Ярославского Поволжья по последним подсчетам С.С. Зозули выявлено 85 курганов с предметами вооружения из 714 раскопанных насыпей, что суммарно составляет около 12% воинских комплексов. Среди них 34 кургана содержат в инвентаре одиночные стрелы, не сочетающиеся с другим вооружением³⁷ (что в процентном отношении от общего числа курганов с предметами вооружения сопоставимо с Гнездовом).

Учитывая, что в Гнездове численность постоянного населения колебалась от 400 до 600 человек³⁸, можно предположить, исходя из процентного соотношения погребений с оружием, что численность воинского отряда здесь должна была составлять около 50–80 человек. Подобные размеры дружины реконструируются и для более раннего (IX — начало X в.) Супрутского контрольно-административного центра на Донском пути. По реконструкции А.В. Григорьева при общей численности населения Супрут около 300 человек здесь находился постоянный дружинный контингент численностью не более 50 воинов³⁹. Сложнее определить численность гарнизонов для Ярославского Поволжья. При том, что в процентном отношении ситуация здесь аналогична Гнездову, Супрутам и Бирке (см. ниже), численность постоянного населения реконструирована только для Тимерево — около 130 человек⁴⁰, что дает довольно странно малую цифру воинского отряда. Единственное объяснение, которое пока можно предложить, это то, что поскольку Тимерево, Петровское и Михайловское — общий центр контроля торгового пути в этом регионе, то, возможно, речь идет о каком-то общем воинском отряде, отраженном в материале этих трех могильников (здесь как раз уместно вспомнить общее мнение об «аристократичности» Михайловского могильника). В таком случае можно также предположить общую численность профессионального воинского отряда до 40 человек.

Аналогичные количественные характеристики имел в X в. и постоянный гарнизон Бирки. Типологически близкие торгово-ремесленные поселения Гнездово, Бирка и центр в Ярославском Поволжье, выполняя одинаковые функции на общеевропейских торговых путях, демон-

³⁷ Зозуля С.С. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 337–340.

³⁸ Пушкина Т.А. Гнездово: итоги и задачи исследования. С. 9.

³⁹ Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Волги. Тула, 2005. С. 158.

⁴⁰ Недошивина Н.Г., Фехнер М.В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. No 2. С. 114.

стрируют в этом отношении сходство и в социальной организации. В Бирке выделяется отдельный участок поселения, так называемый «Гарнизон» (Garrison), перекрывающий единственный открытый путь от берега к укрепленному городищу (Borg). Археологический материал позволяет интерпретировать «Гарнизон» как местоположение постоянного профессионального воинского отряда — дружины Бирки. В материалах этого участка зафиксированы практически все виды вооружения: наконечники стрел, копий и дротиков, топоры, два навершия мечей, клинок скрамасака и оковки ножен от него, фрагменты кольчужного полотна, пластины ламмелярного доспеха и, возможно, детали шлема. Здесь, помимо укреплений, находилась кузница, основной задачей которой был ремонт оружия и доспеха, и так называемые «воинские палаты». Это длинный дом «треллеборгского типа» с ладьевидными стенами, размеры постройки 9×19 м. Это сооружение и было местом постоянного пребывания воинов. Примечательна судьба этого участка поселения: в период гибели Бирки в конце X в. на «Гарнизон» была направлена основная волна штурма — длинный дом гибнет в пожаре⁴¹, что позволило исследовать его в «законсервированном» состоянии как единовременно погибшую постройку. Материалы «Гарнизона» позволили шведским исследователям реконструировать численность дружинного отряда Бирки. Опорным материалом здесь стало обнаружение вдоль стен «воинских палат» ряда сундуков, в которых воины хранили свое личное имущество и количество костяных гребней и футляров от них и их фрагментов. Численность постоянного воинского отряда Бирки, таким образом, была определена ориентировочно в 40 человек. При этом материалы «воинских палат» отчасти позволяют реконструировать и внутреннюю структуру, «ранжированность» внутри этой дружины, поскольку пространство внутри «длинного дома» разделено на несколько зон в зависимости от статуса проживающих там воинов⁴².

Реконструированная численность дружины Бирки совпадает с размерами гарнизонов ряда английских замков XII в., согласно исследованиям М. Прествича⁴³ и на основании информации из «Больших списков Королевской казны», которые велись с XII в. («Exchequer Pip Rolls») — отряды эти насчитывали от 20 до 60 воинов.

⁴¹ Hedenstierna-Jonson Ch. The Birka Warrior. The material culture of a martial society // Theses and Papers in Scientific Archaeology, 8. Stockholm, 2006. P. 500–52.

⁴² Ibid. С. 61.

⁴³ Prestwich M. The garrisoning of English medieval castles // The Normans and their Adversaries at War. Woodbridge, 2001. P. 185–200.

Материалы Бирки не только отражают наиболее близкую к Гнездову ситуацию, но и в значительной степени подтверждают использованную методику выделения и анализа дружинных погребений. Из примерно 1100 раскопанных в Бирке курганов предметы вооружения содержатся в 102⁴⁴. Это дает чуть меньше 10 % воинских погребений на этом памятнике: на это одним из первых указал еще Г.С. Лебедев⁴⁵. Учитывая реконструированную А. Грэслунд численность постоянного населения Бирки в 500–600 человек⁴⁶, можно таким образом говорить о пребывании здесь постоянного дружинного отряда в 50 человек. Эти статистические подсчеты практически полностью совпадают с результатами анализа материалов «Гарнизона» Бирки (т. е. поселенческого слоя), описанными выше, которые дают цифру 40 человек.

Таким образом, результаты исследования «Гарнизона» Бирки верифицируют использованную методику анализа воинских погребений и подтверждают правомерность использованных критериев выделения «дружинных курганов» для древнерусских памятников.

Мы можем реконструировать размеры постоянных дружинных отрядов, необходимых для защиты и обеспечения функционирования торгово-ремесленных поселений Древней Руси. Как видим, размер такого отряда прямо пропорционален численности постоянного населения поселка. Причем, в этих подсчетах речь идет лишь о коллективе профессиональных воинов-дружинников, поскольку только их социальный статус находил отражение в специфическом погребальном обряде (наличие оружия в инвентаре); другие социальные группы таких маркеров в погребальном обряде не имели.

Значительно большее число воинских погребений зафиксировано в Шестовице. Д.И. Блифельд относит здесь к числу «дружинных» 30 курганов из 147 раскопанных, что составляет около 20 %⁴⁷. Такой высокий процент воинских погребений, по всей видимости, объясняется социально-политической спецификой этого дружинного лагеря. С известной долей осторожности можно попытаться подсчитать процент погребений, относящихся к дружинной среде в Киеве. По материалам раскопок М.К. Каргера, подобные погребения составляют около 18 %.

⁴⁴ *Thalin-Bergman L.* Die Waffengräber von Birka / Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1986. P. 5–10.

⁴⁵ *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 116.

⁴⁶ *Gräslund A.-S.* The Burial Customs. A Study of the Graves on Björkö. Stockholm, 1980. P. 82–83 (Birka IV).

⁴⁷ *Блифельд Д.И.* Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 92–99.

Подсчеты численности военных отрядов на основе процента погребений с оружием на тех или иных некрополях осуществлялись также чешскими исследователями для памятников Великой Моравии. В захоронениях, расположенных на территории великоморавских городов, до трети мужчин имеют военные атрибуты (что сопоставимо с материалами Киева); в раннефеодальных усадьбах этого же времени удельный вес захоронений воинов чуть больше — около 20–40 % (что сопоставимо с шестовицким дружинным лагерем в непосредственной близости от Чернигова)⁴⁸.

О постоянной численности великокняжеской дружины Киева можно судить и по сочинению Ибн Фадлана, посланника багдадского халифа в Волжскую Булгарию в 920-е гг. Арабский путешественник пишет, что вместе с царем русов «постоянно находятся 400 мужей из числа богатырей, его сподвижников». По данным Константина Багрянородного, гарнизон Саркела, одной из крупнейших хазарских крепостей, состоял из 300 воинов.

В этой связи можно предположить, что пункты, подконтрольные раннегосударственной власти (подобно Шестовице или Саркелу), содержали значительно большие постоянные воинские контингенты, чем «самостоятельные» торгово-административные центры (Гнездово, Тимерево). В этом отношении показательны так называемые «королевские лагеря» Дании (Треллеборг, Фюркат, Аггерсборг), вмещавшие сотни воинов.

Дружины северных конунгов и ярлов по численности, судя по сообщениям саг «Круга Земного», были вполне сопоставимы с описанными воинскими отрядами Гнездова, Бирки или торговоремесленного центра Ярославского Поволжья. «Сага о Харальде Прекрасноволосом», описывая нововведения Харальда на захваченных землях, отмечает, что каждый ярл (управляющий достаточно большой областью-фюльком) в случае необходимости должен был предоставлять конунгу отряд из 60 воинов. Личная дружина самого Харальда состояла также из 50–70 человек: в саге говорится, что вся его дружина смогла составить команду одного «большого и роскошного корабля с драконьей головой» — команда боевого корабля составляла обычно около полусотни воинов. Информацию о составе дружин дает описание распространенного в средневековой Скандинавии приема политической борьбы — сожжение противника в доме со всей его дружиной во время пира. Сознвая условность приведенных в «Круге Земном»

⁴⁸ Рутткаи А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 145.

цифр, отметим все же, что в таких эпизодах обычное число сожженных — до 90 человек⁴⁹.

Отряды такой численности были вполне боеспособны для выполнения различных военных акций и политических задач. В этом отношении примечательный сюжет связан с борьбой за Оркнейские острова. По распоряжению ярла Мёра Рёгнвальда, Торф-Эйнар на одном боевом корабле (т. е. также с примерно полусотней воинов) захватил Оркнеи, выбив отряды хозяйничавших там викингов, и остался со своими воинами править островами.

Обращает на себя внимание тот факт, что как при подсчетах постоянных воинских контингентов торгово-ремесленных поселений Восточной и Северной Европы (Гнездово, Бирка), так и в упоминаниях подобных отрядов в письменных источниках (саги), речь идет в большинстве случаев о воинском объединении, соотносимом по численности с командой боевого корабля. При этом, если для Скандинавии такая связь может быть прямой, то в случае с Восточной Европой это практически невозможно — по восточноевропейским рекам не ходили корабли, способные вместить до 70 человек, как это могло быть на Балтике. В связи с этим же чрезвычайно показателен в сагах ряд сюжетов с описанием вейцлы. В «Саге об Олаве Святом» говорится, что «обычно, когда конунги объезжали Упплэнд, с ними было шестьдесят или семьдесят человек» — в противопоставление Олаву, который однажды взял с собой более трехсот⁵⁰. Эпизод из «Саги об Олаве Тихом» позволяет трактовать численность отряда в 60–70 человек как определенную *правовую традицию*. Олав Тихий объезжал бондов с дружиной в 120 человек⁵¹ (не считая других сопровождающих лиц). Бонды, вероятно недовольные таким количеством «гостей», спрашивали Олава «почему у него больше людей, чем *полагается по закону* (выделено нами. — А.Ф.) и чем было у конунгов до него»⁵². Можно предположить, что численность личных дружин скандинавских предводителей имела в основе своей традицию («закон»), восходящую к численности корабельной команды — воинам, находящимся с конунгом в бою на одном корабле (своего рода «флаг»).

Наконец, анализ топографии могильников, содержащих «дружинные погребения», позволяет разрешить сложнейший исторический вопрос о времени и этапах формирования великокняжеского домена —

⁴⁹ *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1980. С. 44–58.

⁵⁰ Там же. С. 186.

⁵¹ Напомним, что в данном случае речь идет о событиях второй половины XI в.

⁵² *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 465.

«Русской земли в узком смысле». Археологические материалы существенно уточняют выводы, полученные для X в. А.Н. Насоновым⁵³, Б.А. Рыбаковым⁵⁴, В.А. Кучкиным⁵⁵, И.В. Ведюшкиной⁵⁶ по более поздним, XI–XIII вв., письменным источникам.

В.Я. Петрухин впервые поставил вопрос о связи камерных погребений X — рубежа X–XI вв. с очерченной А.Н. Насоновым территорией «Русской земли». Он отметил, что камерные погребения концентрируются в «ядре» «Русской земли» (Днепровско-Деснинское междуречье и Киевское Поднепровье) и на северо-восточной ее окраине (Левинка и Кветунь)⁵⁷.

В Южной Руси удается выделить ряд «дружинных курганов», которые условно могут быть охарактеризованы как «пограничные» и маркируют границы «Русской земли» (связанные в том числе и с водными путями)⁵⁸. Сеть выделенных пограничных памятников, в целом, совпадает с очерченными А.Н. Насоновым границами «Русской земли» (Рис. 1).

Реконструируя территорию «Русской земли», А.Н. Насонов определяет ее границы следующим образом: на западе она проходит в верховьях Горыни, затем идет на восток через верховья Ужа и средний Тетерев, поднимается по Днепру до устья Сожа, проходит на северо-восток между Ипутью и Сновью, на северо-востоке от междуречья Средней Ипути и Средней Десны спускается на юг до Среднего Сейма, на юго-востоке проходит вдоль Сулы, на юге идет от устья Сулы вдоль Роси (чуть южнее ее), далее — через Средний и Верхний Южный Буг, верховья Збруча, и на западе поднимается к верховьям Горыни. Причем границы эти устойчивы, и, как отмечает А.Н. Насонов, остаются неизменными, по крайней мере, до середины XI в.⁵⁹ Сложение терри-

⁵³ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

⁵⁴ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 55–90.

⁵⁵ Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 74–100.

⁵⁶ Ведюшкина И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временный лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // Там же. С. 101–116.

⁵⁷ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995. С. 87; Он же. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 120.

⁵⁸ Фетисов А.А. Территория «Русской земли» в X — первой половины XI в. по материалам дружинных курганов // Проблемы славяно-русской археологии чернигово-брянских земель. Мат-лы XVIII межвузовской археологической конф. 23–25 апреля 2000 г. Брянск, 2001. С. 30–33; Он же. Складывание территории «Русской земли» по археологическим данным // Шавелёв С.П. Феодосий Печерский — курянин. Курск, 2008. С. 163–169.

⁵⁹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории. С. 41.

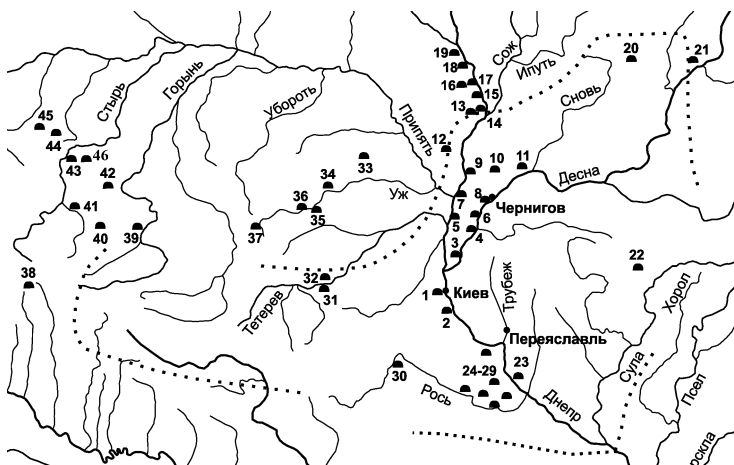


Рис. 1. Погребения с оружием и «камерными гробницами» Южной Руси X–XI вв.

1 — Киев, 2 — Китаев, 3 — Выползов, 4 — Шестовица, 5 — Табаевка, 6 — Гушчин, 7 — Пересаж, 8 — Чернигов, 9 — Любеч, 10 — Клонов, 11 — Седнев, 12 — Микуличи, 13 — Колпень, 14 — Сенское, 15 — Мохово, 16 — Дубовицы, 17 — Заужелье, 18 — Козлово-Курганье, 19 — Гориводы, 20 — Левенка, 21 — Кветунь, 22 — Липовое, 23 — Леплява, 24 — Зеленки, 25 — Бурты, 26 — Краснополка, 27 — Поток, 28 — Липовец, 29 — Кагарлык, 30 — Яблонька, 31 — Быково, 32 — Коростышев, 33 — Овруч, 34 — Сингаи, 35 — Барды, 36 — Коростень, 37 — Андреевичи, 38 — Подгорцы, 39 — Старожуков, 40 — Белев, 41 — Мокрое, 42 — Пересопница, 43 — Теремное, 44 — Горка Полонная, 45 — Усичи, 46 — Ставок. Пунктиром обозначены границы «русской земли» по А.Н. Насонову.

тории «Русской земли» А.Н. Насонов относит уже ко второй половине IX в. Ее границы, как он считает, определились еще в условиях хазарского контроля над частью славянских земель, в условиях, когда этот контроль ослабевал в течение второй половины IX в.⁶⁰

Ядро «Русской земли» — Киев, Чернигов и Днепро-Деснинское междуречье — по материалам «дружинных курганов» X в. фиксируется достаточно отчетливо. К дружинным памятникам здесь, помимо могильников Киева и Чернигова, можно отнести Табаевку, Шестовицы, Клонов, Седнев, Пересаж, Любеч, Гушчин, Звеничев, Выползов в междуречье Днепра и Десны и Китаево под Киевом.

Китаевское укрепленное городище и могильник П.А. Раппопорт датирует временем от IX–X до XIII в.⁶¹ А.П. Моця выделяет в Кита-

⁶⁰ Там же. С. 41.

⁶¹ Раппопорт П.А. К вопросу о системе обороны Киевской земли // КСИА АН УССР. Киев, 1954. № 3. С. 22.

еве четыре камерных погребения, два из которых он датирует X в, и одно — X–XI вв.⁶².

В Гушине известно камерное погребение воина с конем, топором и наконечником копья, исследованное Д.Я. Самоквасовым⁶³. Это погребение также датируется X в. В 1983 г. в гушинской группе был раскопан еще один курган, содержащий наконечник стрелы (ингумация)⁶⁴.

В Седневе из раскопок Д.Я. Самоквасова известны 6 курганов с предметами вооружения в инвентаре⁶⁵. Помимо камерного погребения с копьем и топором, здесь присутствуют три кургана, содержащие по одному наконечнику стрелы, один курган, содержащий 6 наконечников стрел и курган с копьем и наконечником стрелы. Оба седневских копья А.Н. Кирпичников относит к X в. и предположительно к типу III⁶⁶.

В Клонове известен один курган с топором типа III⁶⁷. А.П. Моця также выделяет здесь одно камерное погребение X в.⁶⁸

В Киеве из 125 раскопанных М.К. Каргером погребений к дружинной среде можно отнести 22 (№ 37, 86, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 124, 125, 129, включая камерные женские погребения), что составляет 17,6 % от числа раскопанных курганов.

В Шестовицах Д.И. Блифельд выделяет 30 дружинных курганов⁶⁹, что составляет здесь 20,4 % от 147 раскопанных курганов.

В Табаевке в трех курганах (№ 3, 10, 11) найдены топоры. Все табаяевские курганы А.П. Моця датирует X в.⁷⁰ Он также выделяет здесь одно камерное погребение X в.⁷¹ Из предметов дружинной культуры в Табаевке известны также металлические бляшки конской

⁶² Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Матлы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.», 26–28 сент. 1988 г. Киев, 1990. С. 103–104.

⁶³ Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. М., 1908. С. 193–194.

⁶⁴ Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 288.

⁶⁵ Самоквасов Д.Я. Могилы. С. 201.

⁶⁶ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Т. II. С. 75–76.

⁶⁷ Моця А.П. Населення Південно-Руських земель IX–XIII ст. Київ, 1993. С. 26, рис. 12.

⁶⁸ Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси. С. 103–104.

⁶⁹ Блифельд Д.І. Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. С. 92–99.

⁷⁰ Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. IX–XIII вв. Киев, 1990. С. 124–125.

⁷¹ Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси. С. 103–104.

сбруи, типологически близкие черниговским и шестовицким⁷² и поясные наборы⁷³.

В Пересаже из раскопок Н.Е. Бранденбурга из кургана с кремацией X в. известен топор типа I⁷⁴. Из раскопок С.С. Ширинского в Пересаже известны в одном кургане — дротик, в другом — колчан и две стрелы (на кострище от колчана сохранилось кольцо с остатками дерева)⁷⁵. Все пересажские курганы С.С. Ширинский датировал X в.⁷⁶

В X в. территория «Русской земли» (анклава русов) по дружинным памятникам фиксируется только в пределах киевского течения Днепра и Днепро-Деснинского междуречья. В IX в. ее нет.

Дружинные погребения на границах «Русской земли», выделенные нами как пограничные, появляются только в конце X — XI в. К ним относятся Левинка и Кветунь в междуречье Десны и Ипути. Они находятся на довольно большом расстоянии от района с концентрацией дружинных памятников междуречья Десны и Днепра и четко маркируют северо-восточную границу «Русской земли».

В Левинке известны два камерных дружинных погребения, в которых из оружия были топоры⁷⁷. В Кветуни из раскопок В.А. Падина известны три дружинных погребения с топорами (курган № 1, 82, 177). Предположительно к дружинному можно отнести и погребение кургана № 142⁷⁸. В девяти курганах Кветуни также встречены камерные захоронения⁷⁹.

Северо-восточная граница «Русской земли», обозначенная Кветунью и Левинкой, является важным регионом: именно в этом направлении (на северо-восток от Сновской тысячи, т. е. от Седнева) проходила экспансия Киевской Руси на территории вятичей и, вероятно, радимичей.

⁷² Орлов Р.С. Південноруський центр художньої меалооброби Х ст. // Археологія. Вып. 44. Київ, 1983. С. 33, 37, 39.

⁷³ Коваленко В.П., Моця О.П. Літописний Оргощ // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Матеріали польового історико-археологічного семінару. Серпень 1993 р. с. Зелений Гай Сумського р-ну Сумської обл. Суми, 1993. С. 17.

⁷⁴ Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888–1902 гг. СПб., 1908. С. 197; Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. С. 104.

⁷⁵ Ширинский С.С. Раскопки языческих курганов Черниговщины // Археологические открытия 1966 г. М., 1967. С. 241.

⁷⁶ Он же. Курганы X в. у деревни Пересажа // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 106.

⁷⁷ Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. С. 209.

⁷⁸ Падин В.А. Отчет о раскопках Кветунского могильника в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1 1503; Падин В.А. Отчет о раскопках Кветунского могильника в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1 4328.

⁷⁹ Шинаков Е.А. Камерные захоронения Среднего Подесенья // Деснинские древности. Брянск, 1995. С. 82–84.

В качестве пограничных памятников северного участка «Русской земли» можно выделить воинские погребения XI в. на Правобережье Днепра севернее устья Сожа (Мохово, Колпень, Сенское, Заужелье, Дубовицы, Козлово-Курганье, Гориводы), которые, возможно, являлись форпостами Руси на Днепровском пути при въезде в пределы «Русской земли».

В Мохово в трех курганах (№ 19, 35, 40, по В.З. Завитневичу) найдены топоры (тип I и тип IV — 2 экз.) и в одном (№ 34) — копье⁸⁰; на могильнике Колпень в кургане № 59 — наконечник копья неопределенного типа, также с этого могильника из случайных находок известны топор и два наконечника копья⁸¹. В Сенском (курган № 65) обнаружен топор неопределенного типа⁸². В Микуличах в трех курганах (№ 112, 116, 121) — топоры (тип IV и III — 2 экз.), в кургане 114 — железные удила с псалями, фрагменты весов и гирька⁸³. В Козлово-Курганье найден топор типа II (А.Н. Кирпичников датирует это погребение временем около 1000 г.⁸⁴). В Заужелье — топор типа IV (курган № 142)⁸⁵. В Дубовицах — топор типа III (курган № 134)⁸⁶. В Гориводах — топор типа III⁸⁷. По характеру обряда и погребального инвентаря эти захоронения относятся к XI в.⁸⁸

По обряду погребения все выделенные случаи — либо ингумации на горизонте, либо ингумации в гробу в могильной яме (исключение составляет погребение на могильнике Сенское, содержащее, по всей видимости, кремацию). Во всех рассмотренных погребениях оружие в инвентаре чаще всего сочетается с ножами и поясными пряжками. Рассматривая погребения Мохово, В.З. Завитневич отметил, что в них присутствуют некоторые виды украшений, имеющие аналогии в курганах Северо-Восточной Руси и не встречающиеся в других могильниках Поднепровья⁸⁹.

Представляется важным, что в ближайшем окружении от указанных памятников (т. е. на окрестных племенных территориях радимичей, дреговичей и северо-запада северянского ареала) погребения

⁸⁰ Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, лл. 39 об., 41 об., 42.

⁸¹ Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, л. 42 об., 44.

⁸² Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, л. 44 об.

⁸³ Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, лл. 51 об., 52, 52 об., 53.

⁸⁴ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. С. 104.

⁸⁵ Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, л. 57.

⁸⁶ Архив ИИМК, ф. № 1, 1890, № 32, л. 56.

⁸⁷ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. С. 112–113.

⁸⁸ Там же. С. 112–113, 118–119, 129–130.

⁸⁹ Архив ИИМК. Ф. 1, 1890, № 32, л. 42

с оружием неизвестны. Рассмотренные дружинные комплексы также являются хронологическими и территориальными маркерами экспансии Руси на землю радимичей в XI в.⁹⁰

К пограничным памятникам на южной границе «Русской земли» можно отнести могильники Леплява на Левобережье Днепра и Поток, Липовец, Кагарлык, Бурты, Краснополка, Зеленки, Яблоновка на Правобережье в районе Роси.

Леплявское городище может быть отнесено к числу построенных Владимиром «городов» с целью обороны от печенегов в конце X — начале XI в.⁹¹ Ю.Ю. Моргунов определяет Лепляву как дружинный военный лагерь, выдвинутый в степь для защиты Переяславля⁹². Оружие в инвентаре погребений здесь встречено в двух курганах — № 1 и 5 (из раскопок Н.Е. Макаренко⁹³). Это топоры типа I и III. Топор типа I имеет хорошо выраженные салтовские формы, что иллюстрирует славяно-кочевнические контакты в этом регионе. В каталоге А.Н. Кирпичникова к Леплявскому могильнику отнесен еще один топор (тип IV, случайная находка⁹⁴). А.Н. Кирпичников все леплявские топоры датирует XI в.⁹⁵ Погребение с топором в кургане 5 относится к концу X — первой половине XI в.⁹⁶ Возникновение самого Леплявского городища М.П. Кучера и Ю.Ю. Моргунов возводят к концу X — началу XI в.⁹⁷

На правобережье Днепра, в районе р. Рось, к пограничным можно отнести могильники Яблоновка, Поток, Липовец, Бурты, Зеленки, Краснополка, Кагарлык. Яблоновский могильник датируется XI–XIII вв. Р.С. Орлов, А.П. Моця и П.М. Покас считают этот памятник в целом славянским со значительным алано-яским элементом, характеризуя Яблоновку как «дружинный лагерь, аналогичный по сво-

⁹⁰ *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* Русь и радимичи: к истории взаимоотношений // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 282–289.

⁹¹ Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). Киев, 1984. С. 12–13.

⁹² *Моргунов Ю.Ю.* О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // РА. 1999. № 3. С. 70–71.

⁹³ *Макаренко Н.Е.* Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. // ИАК. 1907. Вып. 22.

⁹⁴ *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. С. 118.

⁹⁵ *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. С. 112, 113.

⁹⁶ *Сарачева Т.Г.* Металлические перстни Днепровского Левобережья // История и эволюция древних вещей. М. 1994. С. 90.

⁹⁷ Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. С. 12–13; *Моргунов Ю.Ю.* О пограничном строительстве. С. 71.

ему назначению хотя бы более раннему Шестовицкому комплексу под Черниговом»⁹⁸.

На могильниках Поток, Липовец, Бурты, Зеленки, Краснополка и Кагарлык известны кочевнические погребения с оружием и лошадьми (отрубленная голова и ноги коня), многие из которых, вероятно, помещены в камерах⁹⁹. Два копья из Потока и копье из Липовца А.Н. Кирпичников датирует X в., топор из Потока — X — началом XI в.¹⁰⁰ В остальных случаях встречены только копья (I, III и IV типов), время бытования которых имеет широкий диапазон X–XI вв.

Существование здесь кочевнических погребений, содержащих курганы с оружием и захоронением коней, вероятно, можно объяснить использованием отрядов кочевников для обороны южнорусских границ.

Восточную границу «Русской земли» (на западе ареала северян) по материалам «дружинных» курганов можно установить лишь условно. С очерченной по письменным источникам XI–XIII вв. линией границы «Русской земли» предположительно можно связать городище Ромны (летописный Ромен) и находящийся недалеко от него могильник Липовое, содержащий воинские погребения¹⁰¹.

Ближайшие к Липовому погребения с оружием находятся уже за пределами «Русской земли», западнее, на северянских территориях — на Псле и Ворскле (Каменное, Ницаха, Городное, Гочево, Мешково)¹⁰².

Летописный Ромен занимал особое положение в системе памятников северянского ареала: Б.А. Рыбаков, реконструируя торговый путь от Булгара до Киева, считает Ромен одним из контрольных пунктов на этом пути и «главным торговым центром пограничного Посулья»¹⁰³. О.В. Сухобоков предполагает существование в Ромене киевского гарнизона уже с середины X в., считая подобные памятники своеобразными «культурными центрами», из которых осуществлялось продвижение общедревнерусской культуры в племенную северянскую среду¹⁰⁴.

⁹⁸ Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев. 1985. С. 55–56.

⁹⁹ Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888–1902 гг. СПб. 1908. С. 16–17, 81–82, 110–114.

¹⁰⁰ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. С. 67, 97.

¹⁰¹ Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. IX–XIII вв. Киев, 1990. С. 44–45.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 194 (МИА. № 169).

¹⁰⁴ Сухобоков О. Древнерусский Ромен: археология и летопись // А се его сребро: збірник праць на пошану чл.-корр. НАН України М.Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 29–30.

Юго-западная граница «Русской земли» в верховьях Тетерева и Случи, по линии, обозначенной А.Н.Насоновым, по погребальным памятникам не прослеживается.

Западная граница «Русской земли» на археологическом материале также прослеживается достаточно условно. На западе «Русской земли» можно отметить только один памятник, содержащий дружинные погребения, причем довольно богатые, — Подгорцы (летописный Плеснек). Здесь присутствуют два «дружинных кургана», содержащих богатые парные камерные погребения (раскопки Т. Земенцкого 1881–1882 гг.). В одном из курганов найдены меч, топор и кольчуга, в другом — меч и топор¹⁰⁵. Оба комплекса датируются концом X — первой половиной XI в.¹⁰⁶

«Древлянская» граница «Русской земли», обходящая с юга территорию расселения древлян, маркируется могильниками Коростышев и Быково на среднем Тетереве. Помимо того, что они лежат на линии границы, очерченной А.Н. Насоновым, эти памятники находятся в значительном удалении от древлянских могильников, лежащих за пределами «Русской земли» и также содержащих погребения с оружием. И.П. Русанова, реконструируя на основе особенностей погребального обряда древлянскую племенную территорию, помещает могильники Быково и Коростышев непосредственно на южной границе распространения древлян¹⁰⁷.

В Коростышеве из раскопок В.Б. Антоновича известно одно погребение (ингумация в могильной яме)¹⁰⁸, с копьём I типа (XI в. по А.Н. Кирпичникову¹⁰⁹). Могильник в урочище «Быковщина» (Быково) содержит три кургана с оружием (№ 58, 60, 61 по В.Б. Антоновичу). В первом (ингумация) найден наконечник копья, во втором (кремация) — три наконечника копий типа I, в третьем (кремация) — стрела и, вероятно, боевой кинжал (длиной 49 см)¹¹⁰. Три копья типа I из кургана № 60 А.Н. Кирпичников широко датировал X–XI вв.¹¹¹

Присутствие в Коростышеве и Быково в основном только копий

¹⁰⁵ Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ. 1976. С. 174.

¹⁰⁶ *Liwoch R.* Wielkie kurhany latopisowego Plesniska. С. 367.

¹⁰⁷ *Русанова И.П.* Территория древлян по археологическим памятникам // СА. 1960. № 1. С. 66.

¹⁰⁸ *Антонович В.Б.* Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян // Материалы по археологии России. № 11. 1893. С. 57.

¹⁰⁹ *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. С. 80.

¹¹⁰ *Антонович В.Б.* Древности Юго-Западного края. С. 43–44.

¹¹¹ *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. 1966. С. 70.

типа I позволяет предположить, что на этих пограничных памятниках находились, возможно, какие-то наемные скандинавские дружинники, что еще раз подтверждает правоту отнесения этих памятников к пограничным.

Выделенные пограничные памятники конца X — начала XI в. типологически несколько отличаются от дружинных погребальных древностей X в. Практически все они малоинвентарны или безинвентарны; по обряду погребения — это за редким исключением ингумации в могильных ямах. Оружие в инвентаре этих погребений представлено достаточно устойчивым набором: преимущественно топорами, очень редко встречаются копья (Коростышев, Мохово, Колпень), отсутствуют стрелы (за исключением Яблоновки), мечи есть только на западной окраине «Русской земли» в Подгорцах.

Итак, на основе рассмотренного материала дружинных погребений мы можем уточнить хронологию формирования территории «великокняжеского домена» — «Русской земли». В X в. она фиксируется только лишь в пределах киево-черниговского «ядра» (киевское Поднепровье и памятники Днепро-Деснинского междуречья: Чернигов, Шестовица, Выползов, Гушин, Седнев, Табаевка, Звеничев, Клонов, Пересаж и др.). В конце X — начале XI в. эта территория, по всей видимости, расширяется до границ, реконструированных А.Н. Насоновым, что фиксируется по выделенным пограничным дружинным погребениям (Подгорцы, Коростышев, Быково, группа могильников на Днепре севернее устья Сожа, Левинка, Кветунь, Липовое, Леплява, ряд могильников в бассейне р. Роси). При этом большая часть памятников X в. в Днепро-Деснинском междуречье на этапе конца X — начала XI в. приходит в упадок или исчезает. Так, например, Табаевка и, вероятно, Пересаж на Правобережье Днепра, определяющие границы «Русской земли» в X в., перестают существовать на следующем этапе, когда эта граница отодвигается выше по Днепру, переходя при этом и на Левобережье, что и маркируется воинскими погребениями XI в. (Микуличи и могильники севернее устья Сожа).

Археологические материалы надежно опровергают принятый в историографии вывод А.Н. Насонова о формировании «Русской земли» в IX в. «Домен» киевских князей — феномен, появившийся в X в. Границы «Русской земли», реконструируемые по письменным источникам, сформировались лишь в конце X — первой половине XI в.

Нами было рассмотрено только три аспекта «дружинной культуры» русов — «дружинные погребения», численность их разных отрядов и гарнизонов, топография «киевского ядра» Древнерусского го-

сударства. Совершенно очевидно, что в перспективе изучение дружинных древностей этносоциальной группы «русь» в значительной степени скорректирует «хрестоматийную картину» однолинейного и непрерывного пути формирования Древней Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. 1960. № 1.

Андросчук Ф.А. Курганы в раскопках Д.Я. Самоквасова и «дружинная» погребальная культура // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернигів, 1993.

Антонович В.Б. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян // Материалы по археологии России. 1893. С. 57. № 11.

Археологические открытия 1983 года. М., 1985.

Бліфельд Д.І. Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.

Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888–1902 гг. СПб. 1908.

Ведюшкина И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Волги. Тула, 2005.

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1999.

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). Киев, 1984.

Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнездовского некрополя. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Зозуля С.С. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.

Каинов С.Ю. Древнерусский дружинник второй половины X в. Опыт реконструкции // Военный сборник. Статьи и публикации по Российской военной истории до 1917 г. М., 2004.

Каинов С.Ю. Еще раз о датировке Гнездовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского (к вопросу о нижней дате Гнездовского могильника) // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Труды ГИМ. Вып. 124).

Каинов С.Ю. К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнездовском могильнике // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Архангельск, 2008. Ч. I.

Каргер М.К. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. 4.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Т. II.

Коваленко В.П., Моця О.П. Літописний Оргощ // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Матеріали польового історико-археологічного семінару. Серпень 1993 р. с. Зелений Гай Сумського р-ну Сумської обл. Суми, 1993.

Кочуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.

Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X–XIII вв. Петрозаводск, 1985.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.

Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. 1977. № 148. С. 25.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Лебедев Г.С. Этюд о мечех викингов // *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.

Лесман Ю.М., Олейников О.М. Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Петрозаводск, 1997.

Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. // Изв. Археологической Комиссии. 1907. Вып. 22.

Михайлов К.А. Древнерусские элитарные погребения X — начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

Моргунов Ю.Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // РА. 1999. № 3.

Моця А.П. Населення Південно-Руських земель IX–XIII ст. Київ, 1993.

Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. IX–XIII вв. Киев, 1990.

Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев, 1990.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007.

Населення Прикарпаття і Волині за дробі розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ. 1976.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Недошивина Н.Г., Фехнер М.В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2.

Нефедов В.С. Гнездовский археологический комплекс и Путь из варяг в греки // Гнездово: история и современность. Мат-лы межвуз. научно-практич. конф. Смоленск, 1998.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. № 1. С. 78–94.

Орлов Р.С. Південноруський центр художньої металообробки X ст. // Археологія. Київ, 1983. Вып. 44.

Орлов Р.С. Явление бифуркации в дружинной культуре Древней Руси // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології.

Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985.

Падин В.А. Отчет о раскопках Кветунского могильника в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1 1503;

Падин В.А. Отчет о раскопках Кветунского могильника в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1 4328.

Петрухин В.Я. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995.

Петрухин В.Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Социальная реальность — идеология — погребальный комплекс (к проблеме соотношения) // Идеологические представления древних обществ. М., 1980.

Пушкина Т.А. Гнездово: итоги и задачи исследования // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Труды ГИМ. Вып. 124).

Пушкина Т.А., Ениосова Н.В., Мурашева В.В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М., 2012.

Раппопорт П.А. К вопросу о системе обороны Киевской земли // КСИА АН УССР. Киев, 1954. № 3.

Русанова И.П. Территория древлян по археологическим памятникам // СА. 1960. № 1.

Руткави А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // МИА. № 169. Древности Восточной Европы. М., 1969.

Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. М., 1908.

Сарачева Т.Г. Металлические перстни Днепровского Левобережья // История и эволюция древних вещей. М., 1994.

Славяне и скандинавы. М., 1986.

Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

Соболев В.Ю. Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволоки II в контексте становления древнерусского погребального обряда // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Петрозаводск, 1997.

Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

Сухобоков О. Древнерусский Ромен: археология и летопись // А се его сребро: збірник праць на пошану чл.-корр. НАН України М.Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002.

Фетисов А.А. Складывание территории «Русской земли» по археологическим данным // *Щавелёв С.П.* Феодосий Печерский — курянин. Курск, 2008. С. 163–169.

Фетисов А.А. Территория «Русской земли» в X — первой половины XI в. по материалам дружинных курганов // Проблемы славяно-русской археологии чернигово-брянских земель. Мат-лы XVIII межвуз. археологической конф. 23–25 апреля 2000 г. Брянск, 2001. С. 30–33;

Фетисов А.А. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // РА. 2004. № 3.

Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2009.

Фетисов А.А., Щавелев А.С. Русь и радимичи: к истории взаимоотношений // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.

Хлезов А.А. Дружина Севера как исторический феномен // Скандинавские чтения 1998 г. СПб., 1999.

Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ. 2004. С. 307–311.

Шинаков Е.А. Камерные захоронения Среднего Подесенья // Деснинские древности. Брянск, 1995.

Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002.

Ширинский С.С. Курганы X в. у деревни Пересажа // КСИА. 1969. Вып. 120.

Ширинский С.С. Раскопки языческих курганов Черниговщины // АО 1966 г. М., 1967.

Щавелев А.С. Заметки о деталях погребения в кургане «Черная могила» (в печати).

Щавелев А.С. Камерные погребения Гочевского могильника (вопросы атрибуции и социокультурной интерпретации) // Русский сборник. Брянск, 2002.

Щавелев А.С. К вопросу о статусе Чернигова, Полоцка и Турова на ранних этапах становления древнерусской государственности // Исторический город в контексте современности. Мат-лы межрегиональной научно-практич. конф. Нижний Новгород, 1999. Вып. II–III.

Щавелев А.С. Чернигов, Полоцк и Туров: особенности политического статуса в раннем средневековье // Малые города России. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (1–3 июня 2000 г., г. Рильск). Курск, 2000. Ч. I.

Gräslund A.-S. The Burial Customs. A Study of the Graves on Björkö. Stockholm, 1980 (Birka IV).

Hedenstierna-Jonson Ch. The Birka Warrior. The material culture of a martial society // Theses and Papers in Scientific Archaeology, 8. Stockholm, 2006.

Liwoch R. Wielkie kurhany latopisowego Plesniska // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів. 2007. Вип. 11.

Pedersen A. Similar Finds — Different Meanings? // Burial & Society. The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data. Aarhus, 1997.

Prestwich M. The garrisoning of English medieval castles // The Normans and their Adversaries at War. Woodbridge, 2001.

Thalin-Bergman L. Die Waffengräber von Birka // Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1986.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена «дружинной культуре» Восточной Европы X — первой половины XI вв. — ключевому социокультурному феномену раннего Средневековья Восточной Европы, сыгравшему решающую роль в генезисе древнерусского государства. Исследуется основной археологический источник этого периода — «дружинные курганы». Решается ключевой вопрос в изучении «дружинных курганов» — критерии их идентификации и выделения из массы синхронных погребений. Предлагается методика определения численности дружинных отрядов, располагавшихся на ключевых городских поселениях Руси в X в. Анализ топографии дружинных древностей вокруг Киева позволяет опровергнуть принятый в историографии вывод А.Н. Насонова о формировании «русской земли» вокруг столицы князей Рюриковичей в IX в. «Домен» киевских князей — феномен, появившийся X в. Границы «русской земли», реконструируемые по письменным источникам, сформировались лишь в конце X — первой половине XI вв.

Ключевые слова: дружинная культура, инфраструктура государства, курганы, погребение, оружие, погребальный инвентарь, топография скандинавских древностей в Восточной Европе, численность военных отрядов.

ABSTRACT

The paper concerns the problem of “brigade culture” of Eastern Europe 10th — the first half of 11th c. — the key socio-cultural phenomenon of the early Middle Ages in Eastern Europe, which played a crucial role in the genesis of the ancient Russian state. We investigate the main archaeological source of this period — “Brigade mounds”. The key issue in the study of “druzhina mounds” — the criteria for their identification and isolation from the synchronous mass graves is studied. We propose a method of determining the number of “druzhina units” situated on the key urban settlements in Russia in the 10th century. The analysis of the topography of the “druzhina antiquities” around Kiev can refute adopted in the historiography the A. Nasonov’s conclusion that the formation of the “Russian land” around the capital of Rurikids took place in the 9th century. “Domain” around Kiev — a phenomenon that appeared in the 10th c. The boundaries of the “Russian land”, reconstructed from written sources, formed only at the end of 10th — the first half of 11th century.

Key words: brigade culture, infrastructure of the state, burial mound, obsequies, arms, grave goods, topography of the Scandinavian antiquities in East Europe, the number of military units.